

ния на митрополию Киприана: Ольгерд, князь литовский, просил константинопольского патриарха поставить Киприана в литовские митрополиты. Это обстоятельство могло быть, и скорее всего и было, хорошо известно в Москве. Рассказывая о поставлении в митрополиты Петра, Киприан между строк как бы говорит, что эта история точно такая же, как и его собственная, и старается подчеркнуть, что он осуждает вольного князя за его желание дробить русскую митрополию, т. е. этим самым Киприан дает понять, что желание Ольгерда сделать его митрополитом Литвы — это только желание Ольгерда, а сам он к этой идее никакого отношения не имеет. Вспомним, что во втором послании к Сергию и Федору Киприан подчеркивает, что он всегда был сторонником единства русской митрополии и боролся за это единство. Говоря о том, что не уговоры князя действовали на решение Петра идти в Царьград, а более высокие причины, Киприан этим дает понять, что князь может только хотеть видеть на святительском месте желаемое ему лицо, но решить этот вопрос может лишь божественное произволение и патриаршеский собор. Как мы знаем, во втором послании Киприана к Сергию и Федору значительное место занимают доказательства того, что ни князь, ни митрополит не могут сами назначать восприемника митрополичьей кафедры после смерти предшествовавшего митрополита.

В первоначальном житии рассказ об одновременном путешествии в Царьград Геронтия и Петра построен прямолинейно, в виде двух законченных эпизодов, следующих один за другим. Сначала рассказывается о Геронтии: он отправляется в путь; на море ему является икона, написанная Петром и подаренная им Максиму; икона предрекает Геронтию, что он не получит желаемого, а в русские митрополиты будет поставлен Петр; корабль, на котором плывет Геронтий, сбивается с пути и долгое время блуждает в море. Затем повествуется о Петре: о его благополучном плавании в Царьград и о поставлении в русские митрополиты. Вслед за этим сообщается о прибытии в Царьград Геронтия, «патриарх же Афонасей, испытав, не освяти его, но весь сан взяв и дасть Петру митрополиту».

В киприановском рассказе, в фактическом отношении полностью повторяющем рассказ первоначальной редакции, все построено значительно сложнее и искуснее: повествование о Геронтии переплетается с рассказом о Петре. Сообщив о смерти митрополита Максима, Киприан рассказывает о сборах в Царьград Геронтия. После этого он передает рассмотренные выше обстоятельства, при которых Петр пошел в Царьград. Затем снова возвращается к Геронтию и сообщает, что после путешествия по суше Геронтий приходит к морю, садится на корабль и отправляется к Царьграду. В это же самое время «преподобному же отцю нашему Петру блаженному море достигшу тако же, и на иномь месте в корабль вшедшу, и к тому же Цариграду поплувшу». После этих слов говорится о неудачном плавании по морю Геронтия: буря относит его корабль в сторону. В то же время «Петрову же кораблю тих некий и хладен, яко же зефир, и пособен ветр бысть, и якоже во сне море скоро прешедшу, к стенам Цариграда, рекше Костянтина, прилетевше». Вслед за этим повествуется о явлении Геронтию пророчествующей иконы и о его прибытии в Царьград: «И тако, по мнозе истомлении и бурях ветрених, едва возмогоша Цариграда дойти». Потом опять рассказывается о Петре — о его приходе к патриарху,

---

материально потерпел Киприан. Рассказать об этом значило для Киприана стать под защиту великого имени, осудить враждебные стремления и избежать необходимости разбирать собственные действия, о которых хотелось молчать» (В. О. Ключевский. Древнерусские жития святых как исторический источник, стр. 86).